

CZU: 355.48(470:560)“1768/1774”

[https://doi.org/10.59295/sum4\(184\)2024\\_06](https://doi.org/10.59295/sum4(184)2024_06)

## ВОЙСКА, ОБЩЕСТВО И РАЗВЕДКА ВРЕМЁН РОССИЙСКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1768–1774 ГОДОВ (ПО АРХИВНЫМ ДАННЫМ)

*Александр ПОНОМАРЁВ,*

*Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев*

На основании архивных документов рассматривается ситуация на Дунайском театре военных действий и прифронтовых территориях накануне и после российско-турецкой войны 1768–1774 гг. Показано как дезертиры, запорожцы, гайдамаки дестабилизировали положение на юге Украины. Отдельно рассмотрена роль разведчиков и шпионов, посылаемых обеими сторонами конфликта. Представлены приготовления Порты по усилению гарнизонов пограничных крепостей в Молдове, в связи с предполагаемым наступлением. Впервые в научный оборот вводятся данные рапорта Суворова, в котором идёт речь о французском враче Виллаmine, работавшем в Александровском госпитале и посещавшим до этого Крым, Турцию, Персию. Высказывается версия о шпионской деятельности французского доктора.

**Ключевые слова:** *Румянцев, Суворов, Вилламин, врач, госпиталь, рапорт, война, дезертиры, запорожцы, гайдамаки, разведка.*

### TROOPS, SOCIETY AND INTELLIGENCE DURING THE RUSSIAN-TURKISH WAR OF 1768–1774 (BASED ON ARCHIVED DATA)

On the basis of archival documents, the situation in the Danube theater of military operations and front-line territories after the Russian-Turkish war of 1768–1774 is considered. Presented as deserters, Cossacks, Haidamaks destabilized the situation in the south of Ukraine. The role of scouts and spies sent by both sides of the conflict is considered separately. The preparations of the Porte to strengthen the garrisons of the border fortresses in Moldova, in connection with the proposed offensive, are shown. Suvorov's report is published, which refers to the French doctor Villamin, who, before working at the Alexander Hospital, visited the Crimea, Turkey, and Persia. A version is expressed about the espionage activities of a French doctor.

**Keywords:** *Rumyntsev, Suvorov, Villamin, doctor, hospital, report, war, deserters, Cossacks, Haidamaks, intelligence.*

Российско-турецкая война 1768–1774 гг. закончилась подписанием Кючук-Кайнарджийского мира, весьма выгодного для победившей стороны. Договор усиливал влияние России на Балканах и в Дунайских княжествах, хотя сверхзадача – контролировать проливы Босфор и Дарданеллы так и не была достигнута. После Кючук-Кайнарджийского договора «русское правительство было заинтересовано в мирных взаимоотношениях с Турцией. Мир был нужен, – пишет в своей монографии исследовательница Ия Семёнова – для восстановления подорванного продолжительной, тяжёлой войной хозяйства страны и пополнения государственной казны, для подавления крестьянских волнений, использования экономических и политических выгод, приобретённых в результате» подписания этого договора [1, с. 37].

Действительно, во второй половине 1770-х гг. российское общество находилось далеко не в умиротворённом состоянии, война лишь обнажила проблемы, которые подспудно тлели и до войны. Доказательством тому служит крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачёва. История подавления этого движения хорошо известна, но репрессии применялись не только к яицким, но и к донским казакам, отказавшимся повиноваться приказам высшего военного руководства во время помянутой российско-турецкой войны [2, л. 94, 95, 99, 100, 117, 118; 3, с. 360-363]. Особое внимание императрицы Екатерины II уделялось и запорожскому казачеству, причём с первых лет правления монаршей особы [4, с. 109-113; 5, с. 171-195]. Разрушение в 1775 г. Запорожской Сечи и переселение части казаков за Дунай не решило всех проблем. Степи юга Украины (или

Новороссийской губернии, созданной в 1764 г.) заполнили гайдамаки, которые на протяжении всего XVIII в. промышленно разбоем, грабя торговые и чумацкие караваны, не оставляя без внимания и конские стада, кому бы они ни принадлежали.

Возвращение солдат Первой армии, запорожцев и городских казаков Украины-Гетманщины с Дунайского театра военных действий также сопровождалось отпадением некоторых из них от «генеральной линии» и превращением в солдат удачи [6, с. 221-253]. Так бывшие воины румянцевских войск, соблазненные лёгкой добычей, не дойдя до своих жилищ, вливались в гайдамацкие отряды или создавали свои ватаги. Причём это была проблема не одного послевоенного года; слабая заселённость завоеванных территорий влекла и слабый контроль над ней.

Российское командование, расположенное в крепостях, шанцах и ретраншементах постоянно сталкивалось с такими искателями лёгкой наживы. Попробуем структурировать этих маргинальных личностей по своеобразным категориям. Так, одна группа представляла собой дезертиров, покинувших поле боя или расположение своих частей. Другая – упомянутых гайдамаков, в состав которых вливались люди различные по национальной принадлежности и происхождению (и дезертиров в частности), а третья состояла из местных воинов, тех же запорожцев и городских казаков. Совсем отдельный подвид, странствующих по степным просторам, представляли шпионы, которые не сумели внедриться в те или иные структуры. И отличить одних от других при тогдашних средствах идентификации и верификации было довольно сложно.

### Дезертиры

В последние дни войны на бывшем театре военных действий то и дело возникали группы дезертиров, как российской, так и турецкой армий. Среди турецких солдат и простых обывателей встречались любители трофейной добычи. Так в одном из документов от 3 июля 1774 года шла речь, что от м-ка Разград до с. Чернавода (сейчас – Болгария), необходимо выслать отряд Ахтырского гусарского полка, «чтоб истреблять близ дороги шетающих по лесам турков» [7, л. 5]. А поскольку «в тѣх мѣстах турецких больших партей быть не может, а только самые мужики малым числом, вышедшие из своих домов» [7, л. 5], то приказывалось силами небольшого отряда гусар «сделать безопасной проезд» [7, л. 5].

Поскольку дезертирство явление интернациональное, то и после окончания войны солдаты победившей стороны продолжали убегать из своих деташаментов, и особенно оно было распространено среди гусарских полков, которые в основном были набраны из представителей балканских народов. Приведём один красноречивый факт. В ноябре 1775 года из Волошского гусарского полка сбежало 35, а затем ещё 10 гусар [8, л. 10]. На Правобережной Украине беглецов задерживали, стоящие на форпостах в Чигирине, Мошнах, Смелом польские хоругви, но этих гусар задержать не удалось. Сбежавшим дезертирам скрыться было «негде, больше как в местечкѣ Смелом, где вербуются гусары князя Любомирского» [8, л. 10 об.], что объясняло, почему польские пограничники их «не поймали».

Всего за годы войны дезертировало немало военных из полков регулярной армии. Дела ф.246, Военно-походная канцелярия генерал-фельдмаршала Петра Александровича Румянцева пестрят сообщениями об убежавших солдатах. Рапорты, донесения командиров дивизий, бригад, полков Первой армии А. М. Голицину и П. А. Румянцеву о солдатах-дезертирах и протоколы допросов солдат-дезертиров начинаются с первых месяцев войны (1769 г.) [9]. Приведём для примера имена некоторых военных, которые содержатся в протоколах допросов: солдаты Куринского пехотного полка Иван Чернов и Семён Кашин, Вологодского пехотного полка Карп Бекин, Рязанского пехотного полка Филипп Черкасов, денщик поручика Владимирского пехотного полка Борисова, Борис Васильев, гусар Венгерского гусарского полка Леонтий Соколов, гренадёры Санктпетербургского пехотного полка Семён Колупаев, Пётр Белозёров и Никифор Шутов, солдат Апшеронского пехотного полка Марк Владимиров, денщик полковника 3-го Кирасирского полка Сваненберга, Яков Медведев, курьер Ростовского пехотного полка Иван Сажин, солдат Пермского пехотного полка Михаил Немчинов и каптернамус того же полка Лукьян Снетков (октябрь 1769-январь 1770 г.) [10]. Протоколы допросов солдат-дезертиров содержат имена и других беглецов: Мартына Шаткова, Ивана Кошкина, Михайла

Рыбина, Гаврила Овчинникова, Ивана Меркулова, Захара Щиголева, Тимофея Щербакова, которые при бегстве ещё украли казённые вещи (январь-февраль 1770 г.) [11, л. 48-49, 51, 66-67].

Новонавербованные солдаты из числа арнаутов также совершали побег. Из донесения арнаутского капитана Константина Брандабуры видим, что в Ботушанском и Сучавском цинутах (Молдова) он отыскал 80 арнаутов-дезертиров, которые будучи под его командой разбежались в 1769 г. [12, л. 10]. Некоторые дезертиры скрывались на Правобережной Украине, но ненадолго. Так, отставной поручик Речи Посполитой Иван Цудовский произвёл удачную поимку российских дезертиров (40 и 8 лиц соответственно) в м-ке Полонное и с. Народичи (январь-февраль 1770 г.) [13, л. 74-77, 107-а].

Из протоколов судебных заседаний видно, что писарь Нижегородского карабинерного полка Емельян Кобылин был приговорён к расстрелу за убийство казака Киевского полка Максима Купчинского и бегство из-под караула (март-апрель 1770 г.) [14, л. 1-18, 24-35]. В том же деле отложились материалы о добровольном возвращении солдата-дезертира Ингермонландского карабинерного полка Евсея Егорова (март-апрель 1770 г.) [14, л. 21-22, 36].

Разжалованный в рядовые за пьянство прапорщик 4-го гренадёрского полка Александр Растрингин, со временем дезертировал из обоза под Каменцем-Подольским и поступил на военную службу солдатом в польский гарнизон г. Львова, выдавая себя при этом за польского шляхтича Андрея Шемошовского; в итоге гренадёр легко отделался – был оставлен служить солдатом российской армии (февраль 1770 г.) [15, л. 16 об-18].

Рапорты и донесения генералов Петра Текели, Отто фон Вейсмана, Григория Потёмкина, Виллима фон Эссена, Виллима фон Энгельгардта, фон Дерфельдена и командиров полков о поимке дезертиров пехотных, гусарских и карабинерных полков, а также протоколы допросов содержатся и в других делах (сентябрь-ноябрь 1771 г.) [16]. Хорошим материалом для исследователя служат списки дезертиров, находящихся под караулом [16, л. 141-142]. Протоколы допросов дезертиров дают и некоторые имена выходцев из Украины: уроженцев г. Нежин – ротного писаря Жёлтого гусарского полка Николая Слабина и гусара Сербского гусарского полка Апостола Михайлова (1771 г.) [17, л. 107, 151], уроженцев м-ка Липцы – Якова Ющенко, м-ка Валки – Юрия Шкуратенко, с. Борщевое – Дмитрия Олийныка; все из Харьковского гусарского полка (1771 г.) [18, л. 27-28].

Нередко дезертирство было обусловлено или сочеталось с другими преступлениями. Так, фурьер Пермского пехотного полка Максим Ремезов был разжалован навечно в солдаты за утрату казённых денег и дезертирство (1771 г.) [19, л. 14 об. -15 об.], за это же был разжалован в солдаты прапорщик Козловского пехотного полка Иван Капнист (июль 1771 г.) [20, д. 252, л. 21-22]. Гусар Сербского гусарского полка Михаил Чечинский был осуждён к пожизненной ссылке за дезертирство, кражу казённого имущества и убийство купца (март 1771 г.) [21, л. 28-30]. Но наказание дворянам было несколько мягче нежели простолюдинам; разжалование и увольнение в отставку ожидало за дезертирство капитана Муромского пехотного полка Алексея Борисова (сентябрь 1771 г.) [22, л. 64-66]. Дезертирство, подделка паспорта и присвоение сержантского звания было совершено каптернамусом Суздальского пехотного полка Тимофеем Милиным (апрель 1779 г.) [23, л. 25-26] и гренадёром Капорского пехотного полка Степаном Одинцовым (март 1779 г.) [24, л. 53-54]. Если кража денег и казённых вещей с последующим дезертирством была скорее уделом солдат, то злоупотребления офицерами властью иногда доходили до открытого грабежа, становясь военным преступлением.<sup>1</sup>

Если дезертирство имело под собой стойкое основание – выжить, а не умереть на поле боя, то очевидно другие причины для такого шага были у тех, кто сбежал со службы уже после войны. Так из Журнала регистрации ордеров и confirmаций П. А. Румянцева по приговорам военных судов над офицерами, солдатами-дезертирами видим, что военные действия не были этому причиной (январь-август 1786 г.) [25, л. 1-34].

<sup>1</sup> В рапорте генерал-поручика Петра Текели (март 1779 г.) речь шла о проведении следствия над подпоручиком Рязского пехотного полка Василием Коноплёвым и его сообщниками, которые содержались в крепости св. Елизаветы «за нападение и грабительство в границах Новороссийской губернии перекопских татар», а также за растрату казённых денег // ЦГИАК Украины, ф. 246, оп. 1, д. 780, л. 61.

К окончанию войны относится побег рядовых Севского пехотного полка Игната Петрова, Родиона Боева и Трофима Козлова (апрель 1784 г.) [26, л. 63-74]. После войны состоялось дезертирство егеря Невского пехотного Фёдора Калинина (май 1777 г.). Этот случай скорее относится не к разряду дезертиров, а скорее шпионов. Так помянутый Фёдор Калинин убежав в Молдову, был там завербован турецким пашой. Уже оттуда дезертир-перебежчик в 1779 г. направился в Польшу с разведывательной целью, но потерпел фиаско, поскольку был задержан казаками польского пана Черневича в м-ке Крутое и передан российской стороне. Выходит, что отлавливала шпионов не только российская сторона.

Особо стоит отметить тот факт, что кроме рядовых военных имели место случаи перехода на сторону врага людей с хорошим образованием и широким кругозором. Из рапорта генерал-майора Н. В. Репнина (май 1786 г.) узнаём о переводчике с турецкого языка Петре Богдановиче, который стал перебежчиком и скрылся у турков в м-ке Каушаны [27, л. 20, 24, 27].

### **Запорожцы, гайдамаки и турки**

В течение XVIII века запорожское казачество постоянно боролось с гайдамаками, которые бросали тень на этот славный военный орден. Не все казаки выдерживали строгие требования к дисциплине и порядку, а получив необходимые военные навыки, уходили на вольные хлеба, не желая оставаться простыми сечевиками. Так появлялись в украинских степях гайдамаки, занимавшиеся угоном коней и скота у татар и ногайцев, а также грабя торговый люд. В своё время нами был выявлен документ, показывающий, что в число гайдамаков, принимавших участие в Колиивщине входили и представители «великорусской нации», о чём вышедшее ранее сборники документов не упоминали [28; 29].

Так, солдат Могилёвской двухротной команды Тарас Комаров (уроженец с. Миксы возле г. Козлова, из однодворцев) и солдат Азовского драгунского полка Василий Храмов (уроженец г. Чебоксары, из монастырских крестьян, перешёл в католичество) в апреле 1758 г. сбежали, а в сентябре 1770 г. были задержаны под г. Белая Церковь по обвинению в дезертирстве, грабительствах и убийствах. При допросе Т. Комаров показал, что во время Колиивщины в м-ке Смелое под предводительством гайдамака Швачки они «разбили и зарезали 25 человек ляхов и жидов..., в городке Лысянке трех человек, а в другие дни и недели сколько перерезано и каких чинов он счислить не может» [30, л. 3]. В. Храмов привёл похожие сведения о том, что он «по разным полским местам два года под предводительством запорожского козака Железняк, а не Швачки, со многим числом людьми в разбое находился, и в м-ке Лысянке... собственно, сам собою зарезал ляхов и жидов 28 человек» [30, л. 9].

Аналогичные свидетельства об убийствах уже украинских купцов и гибели молдавских крестьян уже после войны давал елисаветградский купец Захарий Лещинский, который в октябре 1777 г. сообщал, что, будучи в Молдавии, которая ещё недавно была театром военных действий, узнал он о разбойных нападениях на «нежинских, и одного миргородского купца, и с коих только пять человек живых, и те весьма ранены, а протчия все до смерти убиты» [31, л. 37]. По наблюдению местных молдаван «разбой чинят бежавшие запорожцы и арнауты, еще ж заподлѣнно слышел и сам видѣл, – сообщал З. Лещинский, – что от умножения в краю волоском турков волохи некоторыя от причинимых им обидах (!) и отягощений, а другия от страху начали оттоль бѣжать на сю сторону Днестра» [31, л. 37]. Турки стараясь предотвратить подобные побегии «стали им угрожать смертию», тогда как молдаване опасаясь, чтобы их «не перерубили, стараясь скоро чрез Днѣстр переправится», многие из которых утонули [31, л. 37].

Подобные сообщения согласуются с данными российской разведки, которая после казни молдавского господаря Григорие III Гика в октябре 1777 г. отмечала рост насилия со стороны турок и увеличение налогового бремени относительно молдавского населения.<sup>2</sup> Молдавских же царан остаётся только пожалеть, потому что ни бывшие поработители, ни новые освободители не давали

<sup>2</sup> «Что контрибуции в Молдавии чинятца несносные, так что народ в ужасном видит себя изнеможении, а от сих безмерных налогов и разнаго рода от турков христианам насилия все тамошние арнауты и весь народ весьма преклонены учинить генеральной бунт, но ведая оне сами, что нет между ими ни одной отважной головы принуждены терпеть и спасать себя побегами, ожидая удобнаго к тому время, когда Днестр станет» // ЦГИАК Украины, Ф. 246, оп. 1, д. 691, л. 17 об.

им мирно жить. Жители многих сёл Поднепровья, особенно вблизи Бендер, где сосредотачивалось множество войск были вынуждены покидать свои жилища на несколько лет, что зафиксировано документально [32, с. 212-235].

Так, на Правобережье Днестра жители села Чобурчи, расположенного недалеко от Бендерской крепости, с началом войны также ушли кто куда. Но уже спустя полгода после штурма Бендер – 17 марта 1771 г. в канцелярии бендерского коменданта были зарегистрированы 4 семьи, которые возвращались в Чобурчи, еще 13 семей возвращались в этот населенный пункт из татарского плена. В августе 1771 г. в Чобурчи заселенными были 25 домов, а в июне 1772 г. – уже 53 дома и 2 цыганских бурдея [33, р. 243].

В декабре 1771 г. бендерский комендант полковник И. Коррет докладывал, что по приказанию фельдмаршала П.А. Румянцева, если от «погарника сердаря Лапушна Аргеевскаго Рышкана присланы будут нарочныя для отискания бежавших их цынутов его правления обывателей, скрывающихся в селе Салкуцах и других селениях Бендерскаго уезда, то чтоб... оных отдать без всякого препятствия...» [34, л. 4]. Далее бендерский комендант, стараясь хоть как-то сохранить тенденцию к восполнению населения его округа, рассуждал, что, «если всех оных приказанных и охотою желающих в Молдавию п[е]реселитца из села Салкуц, так ежели и в протчих селениях ведения Бендерскаго таковыя ж найдутца, предписанному сердарю... отпустить, то в Бендерском уезде поселян оставатца будет, толко из армян и цыган малое число, а из валохов (!) неупователно, чтоб, хотя и малая часть остатца могла...» [34, л. 4]. Положение турецко-татарского населения крепостей Дунайских княжеств во время войны 1768–1774 гг. также было незавидным, и практически не освещалась в историографии кроме последних работ о Измаиле [35, с.199-202], но относительно Бендер укажем, что от мусульманского населения этой крепости и форштадта после двухмесячной осады 1770 г. в живых осталась лишь треть жителей [36, с. 435].

Жизнь почти любого военного, особенно попавшего в плен, могла составить сюжет остросюжетного произведения. В этом плане представляется интересной судьба посполитого из хут. Львовка Золотоношской сотни Переяславского полка Ивана Нечитайло, который был призван на войну погонщиком воловьих фур, под Хотинном попал в плен, стал очевидцем штурма Бендерской крепости, до этого был вынужден принять ислам, но всё же смог вырваться из плена.<sup>3</sup>

Однако вернёмся к запорожцам. Война на Дунайском театре военных действий на зимнее время приостанавливалась, а стало быть довольствие солдат, в том числе и запорожцев было неоправданно дорогостоящим и трудно выполнимым условием. Не только порох и свинец были кровью войны в XVIII веке, но и продовольствие с фуражем. Князь Г. А. Потёмкин доносил из Фокшан 20 декабря 1773 г. фельдмаршалу П. А. Румянцеву: «По малоимению здесь фуража, запорожскому старшинѣ Быстрицкому дозволил я на нынешнѣю зиму распустить команду по их домам, по март месяц будущаго года» [37, л. 49]. Однако Семён Быстрицкий не поехал ни в Сечь, ни в Гетьманщину, а остался на вольных хлебах сначала в Молдове, а затем перебравшись на Правобережную Украину стал самовольно вербовать в войско украинских крестьян. Узнав об этом, равно как и о нападениях новосформированных отрядов С. Быстрицкого на имения польских магнатов, П. А. Румянец приказал задержать запорожского старшину, что и было сделано в апреле 1774 года. Вполне обоснованные обвинения со стороны властей состояли в том, что С. Быстрицкий с казаками, «самовольно ѣздя по Полше, Молдавии и Валахии, привлекают под команду свою тамошних обывателей, обещая им совершенную от всех податей и повинностей свободу» [38, л. 6]. Можно с уверенностью говорить о том, что всё это делалось сугубо по авантюрным мотивам, чувствуя вседозволенность и

---

<sup>3</sup> «По взятии российскойю армиею Хотина вся турецкая армия пошла в город Бендеры; а татаре слѣдую за оною пошли в город Бендеры имѣя с собою всѣх плѣнных, в том числѣ и его (Нечитайло. – А.П.) на степу целой год, содержа при своих станциях (лагерях. – А.П.), до взятия российскойю ж армиею города Бендер. Под которой, когда начала подходить российская армия и татаре пошли с того мѣста к турецкому войску, состоящему под Бендерами ж, то он (Нечитайло. – А.П.) будучи днем на свободѣ без всякого присмотру сискивал удобный случай бежать к своей... армии» // ЦГИАК Украины, Ф. 990, оп. 1, д. 1295, л. 3.

безнаказанность, «разрешённой» ему как недавнему герою войны. Эта война была отмечена рядом не только героических поступков запорожцев, но запомнилась серией бунтов [39, с. 209-242].

Справедливости ради, стоит отметить и тот большой вклад запорожцев, который они совершили при разведывании турецких позиций, высадке десанта на Дунае, а также во время последующих военных действиях на Балканах. Так, например, А. В. Суворов был задействован в процедуре награждения запорожских полковников Ивана Мандро и Герасима Коленко (удостоившихся золотых именных медалей от Екатерины II) [6, с. 239-240; 39, л. 50] и которые не смогли прибыть к А. В. Суворову в июне 1774 г. для получения наград [40, л. 48]; после сражения под Козлуджей награды нашли своих героев.<sup>4</sup>

А. В. Суворов во время российско-турецкой войны 1768–1774 гг. неоднократно выступал за награждение достойных этого лиц. Так, в рапорте фельдмаршалу П. А. Румянцеву от 26 июня 1774 г. он писал, что будет весьма обязанным «за воздаяние оказанным заслугам, представивших от меня в отличии офицеров в жестоком сражении при Козлуджах. Если сия экспедиция столь важная – продолжал А. В. Суворов – достойна уважения вашего сиятельства, то всепокорнейше прошу всех тех споспешников достохвалному делу наградить» [39, л. 62 и об.; 41, с. 31-32]. Знаменитое сражение под Козлуджей ознаменовалось и большими трофеями для россиян. Кроме 29 орудий и 107 знамен, «войскам досталась громаднейшая добыча» [42, с. 348]. Есаул Войска Донского Поздеев сам хлопотал о награде за захваченный им турецкий стяг во время взятия этой крепости [43, л. 14], другой донской есаул, Каршин, при штурме Измаила 26 июля 1770 г. захватил два турецких флага, что нашло отражение в документах [44, л. 19].

### Шпионы и разведчики

Накануне российско-турецкой войны 1768–1774 гг. официальный Петербург отправил в Валахию нескольких офицеров, на которых возлагалась ответственная миссия. Нужно было связаться с имеющимися агентами влияния и найти новых сторонников России, поскольку военные действия должны были разворачиваться в непосредственной близости Дуная. Одним из таких разведчиков стал выходец из Балкан военный инженер подполковник Назар Каразин, который знал турецкий, греческий, а также славянские языки. Получив задание от императрицы Екатерины II он отправился в Княжества и собственно в Турцию для осмотра и снятия планов крепостей [45, с. 679-694]. Переодевшись монахом и предварительно отрастив бороду, с «просительной книгой в руках и с бочёнком воды за плечами» Н. Каразин дошел до Румелии. Однако поставленные задачи были выполнены им не до конца, поскольку Н. Каразина застали за съёмкой Адрианопольской крепости, хотя в итоге ему всё же удалось спастись [46, с. 163-164].

Другая версия этого путешествия, относящегося к лету 1768 г. гласит, что Н. Каразин отправился в Софию для распоряжения своим наследством, но был схвачен властями и заточён в монастырь Куртя-де-Арджеш, где с помощью архимандрита Дамаскина ему удалось установить связь с лидером прорусской партии – Пырву Кантакузино, что было оговорено заранее в Петербурге. После освобождения из заточения Н. Каразин посетил город Русе на правом берегу Дуная и крепость Джурджу, лежащую на противоположном берегу реки, а на обратном пути в Петербург снова посетил Куртя-де-Арджеш [47, с. 237].

Вторая миссия Н. Каразина относится к 1769 г., после того как императрица Екатерина II в рескрипте (29 января 1769 г.) на имя графа А. Г. Орлова поручает ему заняться подготовкой восстания среди балканских народов [48, с. 1-13]. Тогда Н. Каразин под видом далматинского монаха Симеона Путника отправился в Молдову и Валахию. Перед этим в Киеве ему выдали не только документы на имя монаха, но и воззвания императрицы Екатерины II к балканским народам. Они были спрятаны в посохе, в обложках и корешках церковных книг, а в ёмкости для воды находились чертёжные

<sup>4</sup> По нашим подсчётам запорожская старшина за время войны 1768–1774 гг. получила (учитывая Балканский и Крымский театр военных действий) 19 золотых именных медалей. Возможно и эта цифра неполная, учитывая отсутствие в нашем распоряжении некоего реестра награждённых // ЦГИАК Украины, Ф. 229, оп. 1, д. 283, л. 1-45.

инструменты [47, с.237-238]. Можно понять, почему именно Н. Каразин был отправлен повторно в Дунайские княжества, несмотря на его временное заточение в монастыре Куртя-де-Арджеш. Более того Н. Каразин «сам представил себя в сию посылку», потому что «при свидании своём встретился с мунтянским баном Первулом Контакузиным (Пырву Контакузино. – А. П.)», который «обещал ему взять на себя возмущение оных провинций» [49, с. 277]. В ходе войны, в сентябре 1769 г., русские войска вошли в Яссы, где молдавский митрополит Гавриил стал приводить население столицы к присяге императрице Екатерине II. Господарь Молдовы Григорие III Гика, не разделявший оптимизма жителей Ясс по поводу оккупации столицы, бежал в Бухарест, где был захвачен отрядом Н. Каразина, который «взяв в плен... волоского господаря князя Григория Гика с братом, сыном и со всеми его придворными» [50, с. 107; 51, с.212-213; 52, л.29], затем переправил их в Петербург.

Следующий наш сюжет связан уже с разведывательными действиями противной стороны. Связи России с православным Востоком давали основания монахам (и выдающим себя за таковых) странствовать на Балканы, а также принимать оттуда странствующих путников, которые ежегодно прибывали для испрошения милостыни, поклонения мощам, найти убежище от преследования турок и т.д.

Генерал-майор А.М. Ржевский в своём рапорте фельдмаршалу П.А. Румянцеву (1 декабря 1777 г.) доносил, что игумен Берзунцкого монастыря в Молдове Паисий показался российскому генералу весьма подозрительным, поскольку игумен просил, чтобы «одному его приятелю охранительной лист, такой с коим бы ему свободно было и здесь в Полше жить и в Россию ехать», но как только потребовали, чтоб этот приятель явился к генералу лично, тогда игумен «зделал в том затруднение, болше просить уже не стал, а требовал себе пашпорту» в Новомиргород к генерал-поручику Петру Текелли [53, л. 23-23 об.]. На основании того, что игумен Паисий давал ложные сведения о спокойствии в Молдове, что он не по своему статусу интересовался особой фельдмаршала П.А. Румянцева генерал-майор А.М. Ржевский все свои сомнения подробно изложил в рапорте.<sup>5</sup>

В феврале-марте 1778 г. на Правобережной Украине появляется уроженец белорусского г. Могилёва, монах Щигловского Свято-Успенского монастыря Ясской епархии Харлампий, который будто бы направлялся в г. Ростов для поклонения мощам св. Димитрия Ростовского. Затем монах просится на проживание в Переяславский кафедральный монастырь на проживание ссылаясь на засилье в Молдове турок, но вскоре бесследно исчезает из монастыря [54, лл. 1-11]. Есть все основания полагать такового монаха, завербованным турецкими властями, шпионом.

Если странствующие монахи были прекрасным «прикрытием» для сбора разведывательных данных, используя паломничество как разовый акт, то такие профессии как переводчик, купец, врач способствовали «глубокой закладке» в тылу противника, открывая возможность системного сбора информации. Ниже пойдёт речь о французском враче, вовремя выявленном и помещённом в госпиталь при Александровской крепости.<sup>6</sup>

Лучшей медициной в XVIII веке была медицина немецкая. Генеральным штаб-лекарем Первой армии был не кто иной, как барон Георг фон Аш. Соответственно и команда подбиралась немецкая. Вот, к примеру, имена немецких представителей медицины: лекари Иоанн Иосеф Мерлен [55, л. 8], Питер Бланк [56, л. 108], Георг Шенкбехер [57, л. 17], Вильгельм Вейсман [58, л. 19-20], Христиан Граве, Томас Ладет [59, л. 15, 18], Вильгельм Томас [60, л. 41-42]; подлекари Христофор Пабет, Иван Людвиг Эсенвейн, Христофор Кейтнер, Петер Крафт [61, л. 19-20], Лоренц Гейблейн, Иоанн Миллер, Иоанн Фридрих Вейланд [62, л. 125, 141], провизор Карл Гаузенбаум [63, л. 18]. И только у доктора Альфонса Франция [64, л. 85] происхождение далеко не немецкое, а у подлекарей Якова

<sup>5</sup> «Сего я ему не отказал, а как образ скромнаго весьма сего монах разговору, известие им сказанное мне о тишине в Молдавии, требование приятелю его пашпорта, частые об вашем сиятельстве спросы, где ваше сиятельство обретаетесь, скоро ли изволите быть в Киев, или знать, что еще в том не состоит большой нужды. Словом весь его поступок кажется мне подозрительным, тем более, что я сего монаха прежде никак не знавал, сомнения же сего не могу умолчать от вашего сиятельства» // ЦГИАК Украины, ф. 246, оп. 1, д. 619, л. 23 об.

<sup>6</sup> Александровская крепость (ретраншемент), заложена августе в 1770 г. На её месте возник г. Запорожье.

Адамовского, Андрея Яновского [65, л. 48-55], лекарей Данилы Самойловича [66, л. 6], Иосифа Тимковского [67, л. 26-35] – явно славянское. Лекарь Иоанес Згуро, очевидно был греком [68, л. 78]. Такое скучное перечисление имён служителей Гиппократы показывает, что появление французского врача в армии, тем более после завершения событий на театре военных действий, должно быть, как минимум, подозрительным.

Нами был выявлен рапорт А. В. Суворова от 25 октября 1778 г. фельдмаршалу П. А. Румянцеву, где речь шла о задержанном в свое время в Крыму французском докторе Вилламин.<sup>7</sup> А. В. Суворов докладывал, что при Генеральном госпитале, расположенном в Александровской крепости находился «из французов волной доктор за лекаря Велламин» [69, л. 61]. Об этом А. В. Суворову ранее сообщал генерал-поручик А. А. Прозоровский «с тем предписанием, что он Вилламин есть авантюрье,<sup>8</sup> или бродяга, которой много шатался в Турции и Персии, а наконец, прошлой год приехал в Крым, и по сумнению содержан был под присмотром» [69, л. 61], а на работу этого лекаря приняли только для того, чтобы «иметь особенное над ним попечение», но поскольку Александровский госпиталь упразднился, то А. В. Суворов «не находя боле надобности содержать в российских границах», решил доктора Вилламина выслать в Польшу [69, л. 61 и об.].

В следующем рапорте А. В. Суворова от 3 ноября 1778 г. фельдмаршалу П. А. Румянцеву сообщалось, ссылаясь на рапорт генерала-поручика П. Текели, «что за состоянием при Александр-шанц<sup>9</sup> ныне трех пехотных полков и устройства верфы от флота чинов, также при устье реки Ингульца гусарских эскадронов, и на случай всегдашняго туда прибавления войск, способнѣе учредить при том шанцѣ» госпиталь, нежели при Збурьевском ретраншементе, предлагая отправлять больных в Перекоп или в новооткрытый госпиталь [70, л. 95 и об.]. Примечательно, что А. В. Суворов, докладывая П. А. Румянцеву в этом случае вовсе не упоминает французского лекаря Вилламина. Видимо полководец, решив выслать француза из Александровской крепости в Польшу, не отважился спустить его вниз по Днепру в новооткрываемый госпиталь к Александр-шанцу, чтобы не дать обильной пищи для размышлений иностранному подданому. Ведь данные о строящейся верфи, закладке суден, размерах крепости были бы так важны для Франции, которая десятилетиями проводила антироссийскую политику, действуя при этом через своих союзников по «Восточному барьеру» – Швецию, Речь Посполитую и Османскую империю [71, с. 450].

В мае 1779 г. А. В. Суворов получает из Збурьевского ретраншемента от бригадира Я. Н. Репнинского рапорт о прибытии в Очаков из Стамбула двух лиц, заподозренных в шпионаже. Соответственно с полученными сведениями А. В. Суворов из Гезлёва (где он тогда находился) представил П. А. Румянцеву-Задунайскому экстракт с указанного рапорта, попутно замечая, что «о значущихся ж по оному шпионах турке и греке для примечания за обращением их, в войски от меня предложено» [72, с. 208]. О том были ли задержаны подозрительные лица не сообщается, но видимо нет, на что указывает следующая часть текста: «для примечания за обращением их», т.е. за ними продолжили следить.

Наряду с этим Османская Порта продолжала укреплять свои крепости, усиливать гарнизоны свежими силами, а также вести разведывательную деятельность [73, с. 168-191]. Генерал-майор А. М. Ржевский в своём рапорте генерал-фельдмаршалу П. А. Румянцеву от 1 декабря 1777 г. доносил, что осенью были посланы три офицера в «Могилёв, Балту и Рашков под видом тем, чтоб российских дезертиров не пропускать на ту сторону Днестра, и поручил им секретно разведывать о турках» [74, л. 26]. В результате этой акции стало известно, что в Яссы прибыло до 500 турок, которые, якобы, должны остаться зимовать. В Дубоссарах «сказывают, что стоят арнауты до 12 тысяч, и все турки находятца в великом приуготовлении к войне, однако в великом от нас страхе» [74, л. 26]. Кроме того, турки засылали «волохов под видом купечества по Полше для разведывания о расположении

<sup>7</sup> Вилламин, Велламин – в документе указывается различное написание.

<sup>8</sup> От *aventurier* (франц.) авантюрье – искатель приключений, беспринципный человек.

<sup>9</sup> На месте полуразрушенного Александр-шанца в сентябре 1778 г. началось строительство крепости, верфи и гражданских сооружений. Согласно указа Екатерины II новое поселение было названо – Херсон.

войск российских, где сколько онаго стоит и с кем намерены воевать. Для чего и в Новороссию также посланы шпионы» [74, л. 26].

Шпионские страсти бушевали и до войны. Так, командование гусарских полков Новосербских укреплений, постоянно ожидая нападения со стороны тюрско-исламского мира, подчас подозревали и задерживали лиц, на первый взгляд совершенно непричастных к разведывательной деятельности.<sup>10</sup>

### Вместо выводов

В течение XVIII века Россия вела множество войн, в том числе и с Османской империей. Не всегда поставленные цели достигались легко, а иногда не достигались вовсе. Но российско-турецкая война 1768–1774 гг. была на редкость удачной для России в военном, экономическом и дипломатическом аспектах. За Россией было закреплено право покровительствовать Дунайским княжествам, позже согласно Айналы-Кавакской конвенции (март 1779 г.) были открыты консульства в Бухаресте и в Яссах [1, с. 51]. Собственно, Российская империя получала выход к Чёрному морю, а международный авторитет Петербурга в Европе заметно укрепился.

Вполне оправдано ведя борьбу за расширение своего жизненного пространства, сообразно исторической действительности XVIII века, Россия одновременно умело прикрывалась заботой о положении христиан на Балканах, что не могло быть незамеченным местными элитами. В итоге имперская политика Петербурга, сочетавшая желание территориального расширения и увеличения геополитического влияния на Балканы с показным желанием освободить их народы от османского владычества, не выдержала проверки временем. После 1878 г. балканские страны, входя в фазу политической модернизации, а особенно Румыния и Болгария, даже не желали слушать о российском влиянии. К российско-турецкой войне 1877–1878 гг. Румыния окончательно разочаровалась в политических целях и средствах, избранных российским военно-политическим руководством.

Распалая экспансионистскими аппетитами, Россия не сумела вовремя остановиться, продолжая свое движение к Проливам, тогда как войны 1853–1856 гг. и 1877–1878 гг. были совершенно излишними для неё с любой точки зрения. Россия ещё в конце первой трети XIX в. отмечала определённую территориальную насыщенность на своих юго-западных границах (т.е. в направлении Балкан), о чем заявляли её государственные мужи, но их голос не был решающим.<sup>11</sup>

С высоты сегодняшнего дня отчётливо становится ясным, что любой конфликт или война за

<sup>10</sup> В 1763 г. уроженец м-ка Тульчин, еврей Лейзор сообщал, что он «...всѣми способи сискивал случая, как бы перейти в Российскую имперію. Для чего сего 1763 году ездя по многим городам по купечеству поехал в город полский Крилов, которой на самой границѣ Российской имперіи состоит, и тамо стал на квартирѣ // в тамошней орендѣ, и проживаючи тамо много размишлял, как бы перебраться в шанец новосербский Крилов, в чем отважился в том городѣ находячомуся поляковѣ старостѣ Войцѣху Ребѣцкому о том своем желании объявить, которой поляк первѣе совѣтовал мнѣ, чтоб я полскую вѣру принял. А потом, когда я ему объявил мое намерение всеконечне быть в вѣрѣ грекороссийского исповѣдания, то он совѣтовал же мнѣ Российской имперіи в шанец гусарский Крилов перейти, и обѣщался сам оной поляк в том шанцѣ Криловѣ о моем намеренѣи объявить кому надлежит, куда того ж дня зараз и пошов, и как объявил господину полковнику Гусарского полку Иосифу Цветиновичу обо мнѣ, то оной полковник сказал ему поляку, что он опасен мене пропустить в шанец Крилов, разсуждая обо мнѣ не шпигон ли я? (выделено нами. – А. П.). И требовал от того поляка, чтоб он мене удержав покудова на представление его о пропускѣ мене послѣдует от главной Новосербского корпуса канцелярии и ему полковнику резолюция [последует]...» // ЦГИАК Украины, Ф.990, оп. 1, д. 404, л. 5 об. -6.

<sup>11</sup> После русско-турецкой войны 1828–1829 гг. секретный Комитет Государственного Совета рассматривал различные варианты дальнейшей судьбы проигравшей стороны – Порты. В отличие от 1807–1812 гг., когда раздел Турции был на повестке дня во внешней политике России, в 1829 г. в Петербурге проводили политику поддержания «самого больного человека Европы». Комитет одобрил предложение товарища министра юстиции Д.В. Дашкова, который отмечал, что России «нужны не новые приобретения, не распространение пределов, но безопасность оных и распространение ее влияния между соседственными народами...» // Цит. по: Е.П. Кудрявцева, Основные направления балканской политики России в первой половине XIX века, С.Л. Тихвинский (отв.ред.). Геополитические факторы во внешней политике России: вторая половина XVI – начало XX века: к столетию академика А.Л. Нарочницкого. Москва, Наука, 2007, с. 207.

территорию, прикрываясь заботой о людях, отбрасывает государство, начавшее военные действия в XVIII век. Архаичность военно-политической мысли в таком случае очевидна. Технологически неразвитая страна может лишь запугивать своих соседей, в то время как ей следовало бы все свои силы направить на сохранение здоровья своих граждан, поддержание высокого уровня жизни и, главное – на отказ от имперских комплексов, которые только отталкивают её друзей и соседей.

### Литература:

1. Семёнова И. В. *Россия и освободительная борьба молдавского народа против османского ига в конце XVIII в.* Кишинёв, Штиинца, 1976.
2. ЦГИАК Украины, Ф. 246, оп. 1, д. 642.
3. Пономарёв А. М. *Войско Донское во время русско-турецкой войны 1768–1774 годов (неизвестные документы ушедшей эпохи).* В: *Астраханские краеведческие чтения*, Вып. VIII. Материалы конференции / под ред. А. А. Курапова. Астрахань, 2016.
4. Пономарьов О. М. *Архівні документи про повторне обрання Петра Калнишевського кошовим отаманом у 1765 році.* В: *Часопис української історії*, Вип. 34, 2016.
5. Пономарьов О. М. *Документи щодо обстоювання Кошем території Вольностей Війська Запорозького у 1763–1765 роках.* В: *Архіви України*, № 5-6. 2018.
6. Пономарьов О. М. *Заколоти серед запорожців під час дунайських походів 1771–1773 років.* В: *Архіви України*, № 1, 2020.
7. ЦГИАК Украины, Ф. 246, оп. 1, д. 768.
8. ЦГИАК Украины, Ф. 246, оп. 1, д. 660.
9. ЦГИАК Украины, Ф. 246, оп. 1, д. 55.
10. ЦГИАК Украины, Ф. 246, оп. 1, д. 66.
11. ЦГИАК Украины, Ф. 246, оп. 1, д. 89.
12. ЦГИАК Украины, Ф. 246, оп. 1, д. 119.
13. ЦГИАК Украины, Ф. 246, оп. 1, д. 92.
14. ЦГИАК Украины, Ф. 246, оп. 1, д. 154.
15. ЦГИАК Украины, Ф. 246, оп. 1, д. 155.
16. ЦГИАК Украины, Ф. 246, оп. 1, д. 238.
17. ЦГИАК Украины, Ф. 246, оп. 1, д. 251.
18. ЦГИАК Украины, Ф. 246, оп. 1, д. 249.
19. ЦГИАК Украины, Ф. 246, оп. 1, д. 253.
20. ЦГИАК Украины, Ф. 246, оп. 1, д. 252.
21. ЦГИАК Украины, Ф. 246, оп. 1, д. 254.
22. ЦГИАК Украины, Ф. 246, оп. 1, д. 257.
23. ЦГИАК Украины, Ф. 246, оп. 1, д. 800.
24. ЦГИАК Украины, Ф. 246, оп. 1, д. 801.
25. ЦГИАК Украины, Ф. 246, оп. 1, д. 864.
26. ЦГИАК Украины, Ф. 246, оп. 1, д. 856.
27. ЦГИАК Украины, Ф. 246, оп. 1, д. 853.
28. *Селянський рух на Україні середина XVIII ст. – перша чверть XIX ст.* Збірник документів і матеріалів. Київ, Наукова думка, 1978.
29. *Гайдамацький рух на Україні в XVIII ст.* Збірник документів. Київ, Наукова думка, 1970.
30. ЦГИАК Украины, Ф. 246, оп. 1, д. 255.
31. ЦГИАК Украины, Ф. 246, оп. 1, д. 699.
32. Пономарёв А. М. *Институт исправничества и выполнение повинностей населением Румынских Княжеств во время русско-турецкой войны 1768-1774 годов (в свете неизданных архивных документов), Istorie și cultura: In onoare academician Andrei Eșanu.* Chișinău, Biblioteca Științifică Centrală, 2018.
33. Chirtoagă I. *Târgurile și cetăți din sud-estul Moldovei (secolul al XIV-lea – începutul secolului al XIX-lea),* Chișinău, Editura Prut Internațional, 2004.

34. ЦГИАК України, Ф. 246, оп. 1, д. 245.
35. Паламарчук С. В. *З історії міста Ізмаїла (османська доба)*. В: *Архіви України*, №1, 2017.
36. Лорд Кинросс. *Расцвет и упадок Османской империи*. Москва, КРОН-ПРЕСС, 1999.
37. ЦГИАК України, Ф. 246, оп. 1, д. 532.
38. ЦГИАК України, Ф. 246, оп. 1, д. 565.
39. ЦГИАК України, Ф. 246, оп. 1, д. 571.
40. ЦГИАК України, Ф. 246, оп. 1, д. 573.
41. Пономарёв А. М. *Неизданные письма Суворова как источник к биографии полководца, Суворовское биеннале*. Труды международной научной конференции /отв. ред. В. Г. Гронский, А. К. Тучапский, С. Э. Зверев. Санкт-Петербург, Алетейа, 2019.
42. Песковский М. Л. *Суворов. Его жизнь и военная деятельность*, Москва, Молодая гвардия, 2014.
43. ЦГИАК України, Ф. 246, оп.1, д. 588.
44. ЦГИАК України, Ф. 246, оп.1, д. 145.
45. Пономарёв А. М. *Неизданные документы о настоятеле румынского монастыря Куртя-де-Арджеши архимандрите Дамаскине времён русско-турецкой войны 1768–1774 годов, Firul viu, ce leagă timpuri: Ad honorem Victor Tvirșin*. Culegere de articole. Cardidact, Chișinău, 2020.
46. Багалей Д. И. *Назарий Александрович Каразин и его колокол*. В: *Киевская старина*. Т. XXXIX, ноябрь, 1892.
47. *Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в.* /отв. ред. И. И. Лещиловская. Москва, Наука, 2003.
48. *Сборник Русского императорского общества*. Т.1. Санкт-Петербург, 1867.
49. Станчев М. *Нові документальні свідчення про походження Василя Каразіна, Схід-Захід: Історико-культурологічний збірник*. Випуск 7. Спеціальне видання: Університети та нації в Російській імперії. Харків–Київ, 2005.
50. Фельдмаршал Румянцев. *Документы, письма, воспоминания*. /Сост. А. П. Капитонов. Москва, Наука, 2001.
51. Румянцев П. А. *Документы. 1768-1775*. Т. II. /под ред. полковника П. К. Фортунатова. Москва, Военное издательство, 1953.
52. ЦГИАК України, Ф. 729, оп. 1, д.809.
53. ЦГИАК України, Ф. 246, оп. 1, д. 619.
54. ЦГИАК України, Ф. 990, оп. 1, д. 1234.
55. ЦГИАК України, Ф. 246, оп. 1, д. 247.
56. ЦГИАК України, Ф. 246, оп. 1, д. 833.
57. ЦГИАК України, Ф. 246, оп. 1, д. 67.
58. ЦГИАК України, Ф. 246, оп. 1, д. 89.
59. ЦГИАК України, Ф. 246, оп. 1, д. 117.
60. ЦГИАК України, Ф. 246, оп. 1, д. 226.
61. ЦГИАК України, Ф. 246, оп. 1, д. 135.
62. ЦГИАК України, Ф. 246, оп. 1, д. 137.
63. ЦГИАК України, Ф. 246, оп. 1, д. 135.
64. ЦГИАК України, Ф. 246, оп. 1, д. 738.
65. ЦГИАК України, Ф. 246, оп. 1, д. 226.
66. ЦГИАК України, Ф. 246, оп. 1, д. 137.
67. ЦГИАК України, Ф. 246, оп. 1, д. 67.
68. ЦГИАК України, Ф. 246, оп. 1, д. 137.
69. ЦГИАК України, ф. 246, оп. 1, д. 747.
70. ЦГИАК України, Ф. 246, оп. 1, д. 738, л.95 и об.
71. Григорьев С. И. «...Кафир весьма крутого нрава»: *А. В. Суворов и Крымское ханство (1771–1779)*, Санкт-Петербург, Государственный мемориальный музей А. В.Суворова, 2015.
72. Суворов А. В. *Документы* /под ред. полковника Г. П. Мещерякова. Т.2. Москва, Военное издательство, 1951.

73. Пономарьов О. М. *Фортеці Ізмаїл і Кілія на початку російсько-турецької війни 1768–1774 років: стан та заходи з фортифікації*. В: *Архіви України*, 2019, № 3.  
74. ЦГИАК України, Ф. 246, оп. 1, д. 691.

**Данные об авторе:**

**Александр ПОНОМАРЁВ**, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Древних Актов Центрального государственного исторического архива Украины, Киев.

**ORCID:** 0000-0001-5492-0804

**E-mail:** mihalych1878@gmail.com

*Представлено 29.04.2024*